

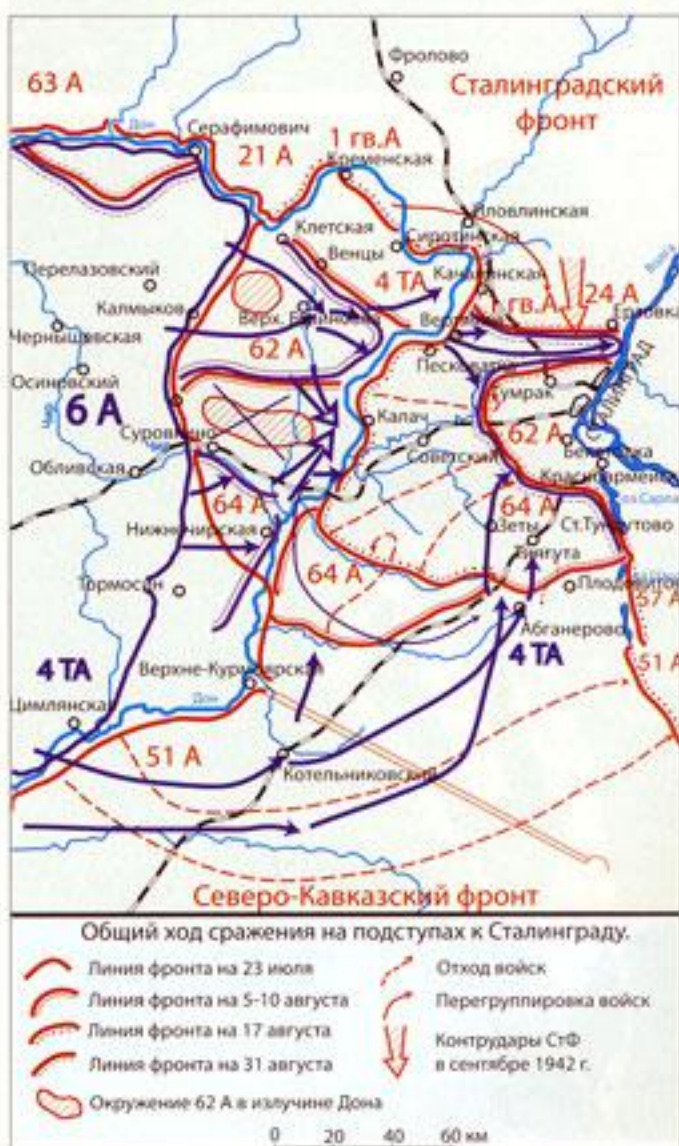
Сталинградская битва продолжалась 200 дней и ночей. Больше половины этого времени, 125 суток — с 17 июля по 18 ноября 1942 года, Красная армия вела тяжёлые оборонительные бои. Именно этот период вызывает самые ожесточённые дискуссии и полярные оценки. В массовом сознании он иногда сужается до уличных боёв за город Сталинград, что, разумеется, неверно. Даже если отсчитывать уличные бои с середины сентября 1942-го, им предшествовали двухмесячные бои в большой излучине Дона, на подступах к Сталинграду с севера и юга.

В течение всего периода с июля по октябрь 1942 года южный сектор советско-германского фронта был подобен бездонной бочке. Он безостановочно поглощал резервы Ставки ВГК, причём не на достижение каких-то позитивных целей и разгром противника, а на сохранение ситуации в положении неустойчивого равновесия. За этот период юго-западное направление поглотило 72 стрелковых дивизии, или 69 процентов их общего количества, направленного Ставкой на различные участки фронта¹. Сюда же, под Сталинград и на Кавказ, отправились 63 процента танковых бригад. Сдерживание немецкого наступления потребовало от Ставки ВГК колоссальных усилий за счёт с большим трудом накопленных резервов. Разумеется, поглощали эти резервы вовсе не уличные бои за развалины города на Волге. Наиболее интенсивные и приводившие к большим потерям в людях и технике бои происходили в открытом поле, вне Сталинграда.

ИСТОКИ

Алексей **ИСАЕВ**,
кандидат исторических наук

СТАЛИНГРАД. ТРУДНОЕ НАЧАЛО

Начиналась оборонительная операция под Сталинградом в «лучших традициях» 1941 года, когда вместо рухнувшего в результате окружения под Миллерово фронта фактически с нуля выстраивалась оборона на Дону и в его большой излучине. Разгромленный Юго-Западный фронт переименовали в Сталинградский. Для стабилизации положения ему передавались три свежие резервные армии — 62-я, 63-я и 64-я. С запада к спешно занимаемым советскими частями позициям подходила немецкая 6-я армия под командованием Фридриха Паулюса. В последние дни перед началом сражения в большой излучине Дона эта армия непрерывно усиливалась, ей был передан XIV танковый корпус из 1-й танковой армии и обещан фюрером XXIV танковый корпус.

Каково же было соотношение сил к началу сражения? Называемые в отечественной литературе цифры противоречат друг другу и оперативным документам. По состоянию на 20 июля 1942 года на довольствии в 6-й армии Паулюса состояло 443 140 человек, в том числе 12 910 военнопленных, 6600 человек в иностранных формированиях (хорваты, словаки, венгры), 40 000 в подразделениях люфтваффе и 25 100 иностранного и немецкого вольнонаёмного состава².

Эти данные показывают, что обычно называемая в отечественной литературе численность 6-й армии в 270 тысяч человек³ не соответствует имеющимся документальным данным об армии Паулюса перед началом Сталинградской битвы. По немецким документам эта величина ближе к 400 тысячам,

даже без учёта переданных в 6-ю армию XIV и XXIV танковых корпусов. Два корпуса, фактически принявшие участие в боях в излучине Дона, довели численность 6-й армии до величины, заведомо большей 400 тысяч человек.

В свою очередь, Сталинградский фронт по состоянию на 20 июля 1942 года насчитывал 386 365 человек, включая тыловые части и учреждения, в том числе 29 947 человек приходилось на 8-ю воздушную армию⁴. Боевые войска фронта, согласно донесениям о боевом и численном составе, насчитывали 298 895 человек⁵. Указанная в известном труде авторского коллектива под руководством Г. Ф. Кривошеева цифра численности Сталинградского фронта в 540 300 человек в начале сражения⁶ является интегральной величиной, учитывающей войска, переданные фронту в процессе операции, дни и недели спустя после её начала. Собственно причина, по которой коллектив Кривошеева предпочёл поставить бóльшую цифру, достаточно очевидна: суммарные потери войск фронта до 18 ноября 1942 года более чем на 100 тысяч человек превышали его реальную первоначальную численность. Потери больше первоначальной численности требовали дополнительных объяснений, их предпочли избежать. По порядку величины просматривается учёт обещанных Сталинградскому фронту «дальневосточных» дивизий и танковых корпусов двух уже запланированных для передачи фронту танковых армий. Точно так же германские войска на сталинградском направлении в динамике сражения усиливались 4-й танковой армией Г. Гота, румынскими и итальянскими войсками.

Вторая мировая война была войной моторов, и поэтому важнейшим показателем традиционно считается число задействованных сторонами танков. В одной танковой и двух моторизованных дивизиях XIV танкового корпуса 6-й армии на 21 июля 1942 года насчитывалось 217 танков и САУ⁷. Прибывшая уже после начала боёв 24-я танковая дивизия добавила к этому ещё 92 танка⁸. Помимо танков в состав 6-й армии входили батальоны штурмовых орудий, насчитывавшие к началу боёв около трёх десятков САУ. В свою очередь, на 20 июля 1942 года Сталинградский фронт насчитывал 230 танков в отдельных бригадах и батальонах⁹. Кроме того, танковые корпуса из резерва Ставки, ставшие первым составом переданной вскоре фронту 1-й танковой армии, насчитывали 405 танков, 4-й танковой армии — 180 танков (только в 22-м танковом корпусе).

Однако вышеназванные цифры не в полной мере отражают реальное соотношение сил сторон. Ядром Сталинградского фронта являлись свежесформированные резервные армии, в качестве средств усиления распо-

лагавшие лишь противотанковыми полками и танковыми батальонами. Орудий калибром больше 122-мм дивизионных гаубиц в их составе не имелось вовсе.

По состоянию на 20 июля 1942 года в войсках Сталинградского фронта имелось всего 21 орудие калибром 152-мм всех типов¹⁰. Причём концентрировалась эта артиллерия в выводимых на укомплектование 28-й и 38-й армиях, к началу боёв находившихся в стороне от направления главного удара противника. Такую ситуацию иначе как удручающей назвать нельзя. Для сравнения: только в пехотных дивизиях 6-й армии насчитывалось 144 150-мм полевых гаубиц¹¹. Такой дисбаланс сил по артиллерии был прямым следствием событий под Харьковом в мае и окружения под Миллерово в июле 1942-го, в которых войска Юго-Западного фронта утратили большую часть своей тяжёлой артиллерии. По состоянию на 1 мая 1942 года Юго-Западный фронт насчитывал 136 152-мм гаубиц и 170 152-мм гаубиц-пушек, на 1 июня, после харьковской драмы, их число сократилось до 55 и 99 единиц соответственно¹². Последним, добивающим ударом стал миллеровский «котёл» в июле 1942 года. Артиллерия большой мощности (обычно в этом качестве выступали 203-мм гаубицы) в составе Сталинградского фронта отсутствовала.

Напротив, немецкая 6-я армия непосредственно перед наступлением на Сталинград была обильно усилена тяжёлой артиллерией. По состоянию на 24 июля 1942 года в качестве средств усиления в её составе имелось пять дивизионов 210-мм гаубиц (около четырёх десятков стволов), три дивизиона 10-см пушек и четыре дивизиона 150-мм полевых гаубиц sFH18. На этом фоне относительная немногочисленность танкового парка армии Паулюса выглядит уже совсем по-другому.

Кроме того, в преддверии сражения за Сталинград 6-я армия получила новейшие 75-мм противотанковые пушки двух типов — 75-мм ПАК-40 и 75-мм ПАК-97/38 (до этого пехотные дивизии 6-й армии таких орудий не имели). Они прибыли несколькими эшелонами в период с 23 мая по 24 июня 1942 года, всего было получено 111 ПАК-40 и 63 ПАК-97/38¹³. Какое-то время проблемой ПАК-40 были боеприпасы. Специальной директивой предписывалось: «Боеприпасы позволено выпускать только по тяжелейшим танкам (имеются в виду КВ. — А. И.), поскольку доставка в течение ближайших месяцев будет происходить лишь в минимальных объёмах»¹⁴. В значительной степени нехватка бронбойных снарядов к ПАК-40 компенсировалась немцами массовым выпуском кумулятивных снарядов к 75-мм танковым и противотанковым орудиям всех систем, включая устаревшие. Их бронепробиваемость не зависела от начальной скорости, и они с успехом применялись из короткоствольных пушек. Советские танкисты

ДУХ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА И ЕГО ПОБЕДОНОСНОЕ ЗНАМЯ ВДОХНОВЛЯЮТ НАС ТЕПЕРЬ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ... (И. Сталин)

называли кумулятивные боеприпасы «термитными» ввиду характерных оплавленных краёв пробитого в броне отверстия. В итоге в отличие от лета 1941 года у немцев летом 1942-го появились компактные и эффективные противотанковые средства, способные уверенно поражать советские танки. Кроме того, по стечению обстоятельств именно в 6-й армии был 521-й батальон истребителей танков с тремя опытными САУ с 105-мм и 128-мм орудиями, способными поражать любой советский танк образца 1942 года на любых мыслимых дистанциях боя.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что, уступая в количестве танков и САУ, немецкая 6-я армия обладала количественным перевесом над войсками Сталинградского фронта в численности личного состава и внушительным превосходством в тяжёлой артиллерии. Это фактически предопределяло неуспешное для советских войск развитие событий в большой излучине Дона. Артиллерия оставалась богом войны, она позволяла как отражать наступления противника, так и эффективно подавлять и уничтожать систему его обороны, в том числе противотанковую, в ходе собственных наступлений. Количественное превосходство Сталинградского фронта в танках частично нивелировалось появлением в немецкой армии новейших эффективных противотанковых средств, в том числе в виде кумулятивных боеприпасов для орудий танков и САУ.

Если бы 6-я армия атаковала спешно занявшие оборону в большой излучине Дона советские дивизии сразу всеми силами, это привело бы к быстрому разгрому Сталинградского фронта. Однако штабы Паулюса и Вейхса недооценили противостоявшие им силы и начали наступление так, будто на подступах к Калачу почти никого не было. В приказе Паулюса от 20 июля 1942 года задача 6-й армии звучала просто и однозначно: «как можно скорее занять Сталинград».

Заметим, что она была поставлена ещё до директивы Гитлера № 45, которая традиционно считается первым приказом на захват собственно Сталинграда. По плану Паулюса предполагалось форсировать Дон по обе стороны от Калача и далее стремительно продвигаться на восток, к Сталинграду. Для форсирования Дона были сосредоточены инженерные части — почти два десятка понтонно-мостовых колонн.

Понтонёры понадобились немецким частям ещё не скоро. Удар на Калач завяз в обороне резервных дивизий, а вскоре в сражение вступили 1-я и 4-я танковые армии. Их формирование было задумано ещё до начала немецкого наступления — предполагалось нанести удар во фланг наступающим на Кавказ немецким войскам. Вместо этого недоформированные армии пришлось бросать в бой. Несмотря на громкое название «танковая армия», по существу это были танковые части с минимальной поддержкой пехоты и артиллерии. Контрудары танковых армий немцы парировали ураганным огнём артиллерии, ударами авиации, а прорвавшиеся танки выбивались «термитными» снарядами. Тем не менее советским танковым частям удавалось выйти на коммуникации XIV моторизованного корпуса. В штаб Паулюса отправлялись радиogramмы вроде «конвой с горючим уничтожен противником».

Однако этот относительный успех оказался оплачен дорогой ценой. Новые 75-мм противотанковые пушки и стрелявшие кумулятивными снарядами танки и САУ немцев вносили опустошение в ряды танковых частей Сталинградского фронта. Командир LI армейского корпуса 6-й армии генерал артиллерии фон Зейдлиц позднее писал, что издали подбитые на подступах к Калачу советские танки выглядели, как огромное стадо слонов. Некоторое преимущество брони над снарядом, имевшее место в 1941 году, было безвозвратно утрачено. В отчёте командира

158-й танковой бригады отмечалось новое орудие немцев, которое «с больших дистанций (1200 метров) легко пробивает броню KV, а снаряд её воспламеняет машину»¹⁵.

Известная фраза Сталина «Стыдно отступить перед 50 танками немцев-мерзавцев, имея на фронте около 900 танков»¹⁶, сказанная 23 июля 1942 года, мягко говоря, не в полной мере отражала ситуацию в большой излучине Дона. Уместнее было спросить: «Вы там ещё живы?» Контрударами танков удалось на некоторое время парализовать активность 6-й армии. Одновременно упорное сопротивление советских войск заставило германское верховное командование изменить первоначальный план наступления на кавказские нефтепромыслы и развернуть на Сталинград 4-ю танковую армию Гота.

Ситуация на дальних подступах к Сталинграду неуклонно ухудшалась и к началу августа стала критической. С запада подошла пехота армейских корпусов 6-й армии, и контрудары «дальневосточников» наталкивались на настоящий шквал огня. Тот факт, что армия Паулюса в боях в излучине Дона активно использовала артиллерию, подтверждается статистическими данными. Так, согласно донесениям обер-квартирмейстера VIII армейского корпуса 6-й армии, боеприпасов к пехотному оружию в ходе боёв с 18 июля по 4 августа 1942 года было израсходовано всего 27 процентов от боекомплекта, а выстрелов лёгкой полевой артиллерии — 188 процентов боекомплекта, тяжёлой полевой артиллерии — 96 процентов боекомплекта¹⁷. Неудивительно, что рефреном в сводках Генштаба в отношении августовских наступлений 4-й танковой армии звучали слова: «Противник оказывал сильное огневое сопротивление».

Однако выбора, наступать или не наступать, у советского командования не было. На переговорах штаба фронта с Генеральным штабом 2 августа командующий фронтом В. Н. Гордов вполне однозначно сформулировал свою стратегию: «У нас происходит приток [резервов] одновременно с противником. Сидеть же и ожидать, пока сосредоточатся силы, я не могу, так как противник может упрочиться и свернуть правый фланг 62 а[рмии]. Вот почему активные действия здесь не прекращаются, хотя знаю, что это ведёт к взаимному перемалыванию»¹⁸. Далее Гордов высказывал надежду, что за счёт прибытия резервов баланс сил качнётся в пользу Красной армии, что позволит взять инициативу в свои руки. Этим надеждам не суждено было сбыться.

В итоге командование Сталинградского фронта было вынуждено прибывающие резервы, в первую очередь так называемые «дальневосточные» дивизии, растрачивать на затыкание брешей, вместо того чтобы использовать их для решительного контрудара. Например, на начало августа был запланиро-

ван контрудар 21-й армии. Предполагалось, что «на участке 21 а[рмии] будет создан не-большой кулак из трёх свежих хорошо подготовленных стрелковых дивизий и двух новых танковых бригад»¹⁹. Общая численность 21-й армии возросла примерно до 85 тысяч человек. Для сравнения: на 20 июля она насчитывала 29 тысяч человек. Однако в августе контрудар из того же района, из которого начался блистательный «Уран» в ноябре 1942 года, был сорван немецким наступлением, приведшим к окружению главных сил 62-й армии в большой излучине Дона. Три свежие дивизии были растащены на восстановление фронта. Также свежие танковые бригады и «дальневосточные» дивизии пришлось направлять под Абганерово для противодействия прорыва танков армии Гота.

Аналогичная картина наблюдалась с вводом в бой 1-й гвардейской армии, сформированной из элитных воздушно-десантных частей. Вместо мощного контрудара она была вынужденно использована для выправления кризисной ситуации на Сиротинском плацдарме, по которому в середине августа был нанесён очередной удар усилившейся за счёт подхода пехоты 6-й армии.

Вместе с тем, с точки зрения немецкого командования, операция затягивалась. Вместо стремительного броска на Сталинград приходилось вести тяжёлые бои в излучине Дона. Впрочем, в 20-х числах августа пришло время и для понтонов: был захвачен плацдарм на восточном берегу Дона и построена переправа для танков и артиллерии.

Очередной драматический поворот в сражении произошёл, когда 23 августа немецкие танки прорвались к Волге и северным окраинам Сталинграда. Образовался «наземный мост» от Дона до Волги, нависавший над советскими войсками к западу от Сталинграда. От сползания к катастрофе ситуацию вновь спасли резервы Ставки. За счёт перебросенных с других направлений танковых корпусов и стрелковых дивизий вновь были организованы контрудары, парализовавшие активность 6-й армии. Наступление навстречу 4-й танковой армии, которого требовал от Паулюса командующий группой армий «Б» Вейхс, так и не состоялось.

Однако добиться решительного результата контрударами советским танкам вновь не удалось. Под Сталинградом были собраны не только резервы Ставки, но и лучшие оперативные умы Красной армии — А. М. Василевский и Г. К. Жуков. Опорой 6-й армии оставалась артиллерия. Показательна фраза в одном из донесений: «Танковые батальоны 60-й м[оторизованной] д[ивизии] и других дивизий XIV т[анкового] к[орпуса] лишь малой частью сил участвовали в этот день в боях на северном фронте». По большому счёту сравнение количества танков сторон в данном случае недостаточно информативно.

Они использовались в основном в контратаках с целью восстановления фронта.

С прибытием Жукова на Сталинградский фронт стали поступать тяжёлые орудия, но ситуация была ещё далека от идеала. На 2 сентября 1942 года в составе 1-й гвардейской армии К. С. Москаленко насчитывалось 24 152-мм пушки-гаубицы²⁰, а на всём Сталинградском фронте — 59 152-мм орудий²¹. До двух сотен тяжёлых орудий, имевшихся в распоряжении 6-й армии, этот артиллерийский кулак не дотягивал.

В середине сентября сражение под Сталинградом достигло апогея. Паулюс развернул свою тяжёлую артиллерию для штурма города. 62-я армия в Сталинграде была фактически изолирована: железнодорожная ветка, связывавшая город со страной, была перерезана немцами. Снабжение советских войск в Сталинграде осуществлялось круглым путём с переправой на лодках и мелких речных судах через Волгу.

Состоявшееся 12 сентября совещание в ставке фюрера в Виннице обычно связывают с планированием штурма Сталинграда. Однако помимо этого обсуждались планы сокрушения советской группировки в полосе между Доном и Волгой, к северу от Сталинграда (1-я гвардейская, 24-я и 66-я армии). Гитлеру были предложены два варианта операции, определённые как «большое решение» и «среднее решение». Суть выбранного в итоге фюрером «среднего решения» состояла в «прорыве подвижными соединениями из района западнее Ерзовки к высотам восточнее Прудки, откуда можно будет южнее Тишанки повернуть на запад и продвинуться к Дону»²². Это решение означало обход главных сил ударной группировки Сталинградского фронта с левого фланга с последующим её окружением. Учитывая, что собранные в резервных армиях танки постепенно выбивались, такой удар мог иметь самые тяжёлые последствия: в определённый момент под рукой у командования фронта могло не найтись достаточного количества боеспособных танковых бригад для противодействия окружению.

Спланированная немцами операция фактически делала советскую стратегию безальтернативной. Теперь отказ от наступлений Сталинградского фронта на соединение с 62-й армией означал смертельный риск уничтожения самих резервных армий в районе Котлубани. К счастью, отказа от стратегии активной помощи сражающимся за Сталинград частям не последовало. В докладе Жукова Сталину от 12 сентября указывалось: «Новую операцию мы имеем в виду готовить на 17.9». Довольно долгая пауза была вызвана ожиданием новых соединений.

Для контрудара была собрана сильная количественно группировка войск. В составе 1-й гвардейской армии насчитывалось 123 882 человека. Наносившая удар смежным с

ней флангом 24-я армия насчитывала на 10 сентября 54 500 человек. Для понимания действительной роли сражения в степи между Доном и Волгой достаточно сравнить эти цифры с численностью 62-й армии в самом Сталинграде. На 13 сентября 1942 года 62-я армия насчитывала 54 000 человек, в два с лишним раза меньше, чем 1-я гвардейская армия, и в три с лишним раза меньше, чем 1-я гвардейская и 24-я армии. В трёх танковых корпусах и трёх танковых бригадах, подчинённых 1-й гвардейской армии, к началу наступления насчитывалось 340 танков²³. С точки зрения количества задействованных людей и техники, «Верден» в степях к северу от Сталинграда заметно превосходил бои на улицах города, но в послевоенный период оказался незаслуженно забыт.

Начатое ранним утром 18 сентября наступление натолкнулось на стену огня. Офицер Генерального штаба при 7-м танковом корпусе майор Матусевич писал: «Наступление было сорвано авиацией пр[отивни]ка»²⁴. В журнале боевых действий 6-й немецкой армии действительно отмечалась высокая интенсивность использования ВВС: «VIII авиакорпус направил все свои силы на эффективные безостановочные действия против вклинившегося противника в междуречье Волги и Дона. 875 наших самолётов сбросили 395 тонн бомб всех калибров»²⁵. В дальнейшем наступление было продолжено, но успеха не имело. К 20 сентября от 340 танков 1-й гвардейской армии в строю остались 153. Потери в людях и технике существенно снизили возможности ударной группировки.

Общие потери трёх армий Сталинградского фронта (1-й гвардейской, 24-й и 66-й), пытавшихся прорваться к Сталинграду с севера, за сентябрь 1942 года составили внушительную с любой точки зрения цифру в 120 тысяч человек²⁶. В свою очередь, общие потери немецких войск, оборонявших «наземный мост» (16-я танковая дивизия, 3-я и 60-я моторизованные дивизии, 76-я пехотная дивизия, управления VIII и XIV корпусов), составили за сентябрь 1942 года величину, несколько большую 10 тысяч человек²⁷. Такое соотношение потерь производит, конечно, гнетущее впечатление.

Жуков в своих воспоминаниях предельно точно определил причины неудач наступлений к северу от Сталинграда (помимо общих для Красной армии 1942 года проблем): «Заняв ряд командных высот, он (противник — А. И.) имеет дальнейшее артиллерийское наблюдение и может во всех направлениях маневрировать огнём. Кроме того, у противника есть возможность вести дальний артиллерийский огонь и из района Кузьмичи — Акатовка — совхоз «Опытное поле». При этих условиях 24, 1-я гвардейская и 66-я армии Сталинградского фронта прорвать фронт обороны противника не могут»²⁸.

Сталинградский фронт проигрывал артиллерийскую дуэль с противником. Так, за сентябрь 1942 года 6-я армия Паулюса израсходовала 88 тысяч выстрелов к 150-мм полевым гаубицам всех типов (не учтены только 150-мм тяжёлые пехотные орудия в полковом звене) и 10 тысяч выстрелов к 210-мм гаубице Moerser 18²⁹. Соответственно, 4-я танковая, 1-я гвардейская, 21, 24-я и 66-я армии Сталинградского фронта ответили на этот шквал огня 21 тысячей выстрелов к 152-мм пушке-гаубице. Снаряды большего калибра (203-мм и выше) фронт в этот период не расходовал вовсе. Даже с учётом значительного расхода боеприпасов немцами на штурм собственно Сталинграда картина, мягко говоря, удручающая. На один выстрел советских тяжёлых орудий немцы отвечали двумя-тремя, причём часто большего калибра. Удары бомбардировщиков немецкого VIII авиакорпуса усугубляли и без того сложную ситуацию.

Вместе с тем советские наступления в районе Котлубани вынуждали Паулюса задействовать крупные силы на обороне «наземного моста», а Сталинград штурмовать слабыми количественно и качественно соединениями. Так, офицер связи ОКХ при 6-й армии докладывал о своей поездке в Сталинград в 295-ю и 71-ю пехотные дивизии: «Боеспособность падает со дня на день. Численность стрелковых рот в настоящее время в среднем 10–15 солдат». В сущности, Паулюсу пришлось вновь опереться на артиллерию. Дорогу немецким пехотинцам по улицам Сталинграда пробивали тяжёлые орудия: штурмовавший город LI армейский корпус расстреливал в середине сентября 150–250 тонн боеприпасов в день, в том числе сотни 210-мм снарядов; с началом второго штурма 27 сентября 1942 года — до 250–300 тонн в день, а начало штурма вообще стало рекордом — 444 тонны!

Несмотря на ураганный огонь артиллерии, немцам не удалось сломить 62-ю армию. В свою очередь защитники Сталинграда своей упорной борьбой на его улицах сначала оттягивали, а затем сделали вовсе бессмысленным «Осеннюю лозу» («среднее решение») — наступательную операцию 6-й армии, которая могла привести к окружению главных сил 1-й гвардейской и 24-й армии и катастрофе, сравнимой с поражением Крымского фронта в мае 1942 года. Условием начала операции было очищение Сталинграда

от советских войск. Таким образом, несмотря на потери, ситуация оставалась в состоянии неустойчивого равновесия. Решительного результата под Сталинградом не удалось добиться ни Красной армии, ни вермахту. Более того, Паулюс был вынужден втягивать в бои за город соединения с других участков фронта, сменяемых на позициях на Дону войсками союзников Германии.

Однако за достигнутое равновесие пришлось заплатить высокую цену. Вопрос о потерях и их соотношении является особой, достаточно болезненной темой. Сейчас у нас есть возможность оценить потери противника по первичным источникам. Согласно 10-дневным донесениям медицинской службы немецкой 6-й армии, с 20 июля по 10 ноября 1942 года (данных за период позднее 10 ноября в фонде 6-й армии обнаружить не удалось) она потеряла 140 706 человек. Соответственно в числе убитых проходят 18 859 человек, раненых — 68 255, пропавших без вести — 3558, заболевших — 50 034 человека³⁰. Собственно «кровавые потери», то есть потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести, составили, таким образом, 90 672 человека. Эти данные несколько отличаются от десятидневных донесений ОКХ/Heeresarzt, согласно которым 6-я армия потеряла за указанный период убитыми, пропавшими без вести и ранеными 82 373 человека. Можно предположить, что уровень потерь в ноябре был достаточно стабильным. Соответственно, если за 1–10 ноября 6-я армия потеряла около 3,3 тысячи человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными, то за 11–18 ноября потери, скорее всего, не превысили 4 тысяч человек. Это позволяет оценить общие «кровавые» потери 6-й армии за весь период до начала советского контрнаступления в 95 тысяч человек, в том числе безвозвратные — 24 тысячи.

Обращают на себя внимание высокие потери армии Паулюса заболевшими. Иногда встречаются утверждения о применении СССР бактериологического оружия, но это не более, чем домыслы. Технологии для этого появились много позже описываемых событий. Летом и в начале осени 1942 года сложились естественные условия для возникновения болезней, в частности туляремии. По донесениям медслужбы, среди заболевших было много персонала тыловых служб.

Немецкая 4-я танковая армия, согласно десятидневным донесениям ОКХ/Heeresarzt, потеряла с 1 августа по 18 ноября 1942 года около 20 тысяч человек, в том числе 4,3 тысячи человек безвозвратно. Потери 3-й румынской армии составили около 13 тысяч человек³¹.

Сравнение с официальными данными о потерях советских войск под Сталинградом³² показывает соотношение безвозвратных потерь сторон в оборонительном периоде сражения около 1:10. Соотношение по общим потерям несколько лучше — примерно один к трём. Причины столь неблагоприятного соотношения потерь очевидны. В большой излучине Дона советские стрелковые дивизии отрезались от переправ через реку и терпели поражение вместе со своими частями боевого обеспечения, что увеличивало потери. В позиционных боях к северу от Сталинграда немецкая тяжёлая артиллерия практически на всю глубину простреливала боевые порядки наступающих дивизий резервных армий, нанося им тяжёлые потери. Солдаты могли погибнуть, даже не видя противника.

Выиграть артиллерийскую дуэль у 6-й армии советским войскам под Сталинградом было проблематично, если не сказать невозможно. Возможности Красной армии в 1942 году были объективно ограничены. Достаточно сказать, что за 1942 год порохов всех типов в СССР было произведено 67 698 тонн³³, а в Германии — вдвое больше, 146 563 тонны³⁴. Это привело к существенному отставанию СССР в количестве произведённых и израсходованных выстрелов, прежде всего крупных калибров.

В этих условиях настоятельно требовалось «иное решение». Это словосочетание сознательно взято в кавычки: именно так обозначил его в своих мемуарах Жуков. В разговоре в кабинете Сталина оно противопоставлялось позиционным боям к северу от города. В итоге «иным решением» стала операция «Уран» с глубоким охватом флангов 6-й армии подвижными соединениями. Ставка в «Уране» была сделана не на артиллерийский удар, а на решительный манёвр танковых и механизированных корпусов. Именно это привело Красную армию к успеху и в конечном итоге — к громкой и убедительной победе в битве на Волге.

Примечания

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах: В 2 т. Т. 1. М. 2010. С. 378.
2. Национальный архив США (National Archives and Records Administration, NARA). T312 R1448 frame 839. Не учтены XIV и XXIV танковый корпус, переданные позднее.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании... Т. 1. С. 441.
4. Там же. С. 430.
5. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 71. Л. 48.
6. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. /Под ред.

Г. Ф. Кривошеева. М. 2001. С. 279.
7. NARA. T312 R1685 frames 95, 102.
8. NARA. T312 R1683 frame 899.
9. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 71. Л. 48.
10. Там же.
11. NARA. T312 R1448 frame 206.
12. ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12079. Д. 97. Л. 19.
13. NARA. T312 R1448 frames 120–122.
14. NARA. T312 R1448 frame 156.
15. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5512. Д. 10. Л. 6.
16. Сталинградская битва. Хроника, факты, люди: В 2 кн. Кн. 1. М. 2002. С. 208.
17. NARA. T312 R1449 frame 135.
18. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 82. Л. 130.

19. Там же. Д. 77. Л. 69.
20. Там же. Д. 10. Л. 3.
21. Там же. Л. 8.
22. NARA. T312 R1685 frame 849.
23. ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 120. Л. 13.
24. Там же. Ф. 3401. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
25. NARA. T312 R1683.
26. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 72. Л. 85–86.
27. NARA. T312 R1449 frames 63, 105.
28. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. Т. 1. М. 2002. С. 79.
29. Подсчитано автором по: NARA. T312 R1449 frames 688–690, 882–892, R1450 frames 32–42.

30. Подсчитано автором по: NARA. T312 R1448 frames 1106, 1241, 1304, 1393, R1449 frames 688–690, 882–892, R1450 frames 213, 230, 353, 354, 525, 600, 798, 1012, 1125.
31. Axworthy M. Third Axis. Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War 1941–1945. London. 1995. P. 86.
32. Россия и СССР в войнах XX века... С. 279.
33. Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. М. 1993. С. 406.
34. Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945. Bd. 1. Bonn. 1998. S. 21.